

КАК ЗВАЛИ РАССКАЗЧИКА-ОЧЕВИДЦА В «PASSIO PERPETUAE ET FELICITATIS»?

*Der Schriftsteller — und es ist einer von den grossen
— nennt sich nicht; er will hinter dem Stoff verschwinden
und fühlt sich nur als Werkzeug des Geistes.*

R. Reitzenstein, 1913.

Важную роль в отождествлении анонимного Рассказчика играет странная фраза, начинающая, по нашему мнению, повествование о событиях на арене с обсуждения прав повествователя на эту его роль. Однако в дошедшем до нас тексте она находится не на своем месте. Проведенная нами реконструкция первоначального состава *Passio* позволяет указать, где и какими словами, начинается текст Рассказчика.

Согласно этой реконструкции, к первоначальной версии *Passio*, сложенной из документов разного происхождения, относятся четыре части: первые две явно предваряют последующие, а последующие две откликаются на предшествующие и подхватывают их темы и последние слова. Первая часть вступления Очевидца (*Pass. Perp XVI.1*) отвечает на общую рекомендацию *Пролога*: для созидания церкви и человека записывать «новые свидетельства веры» (*nova documenta [fidei]*), или: «новые пророчества ... и новые видения» (*prophetias ... et visiones novas*) (*Pass. Perp I.1; 5*), так же как были записаны в Священном Писании пророчества древние. А вторая часть вступления сообщает, что автор берет на себя поручение, помещенное в конце *Записок* Перпетуи: дописать именно ее *Записки* как такие *documenta fidei*.

Таким образом, связностью и когерентностью обладает такой первоначальный состав: *Пролог* (I.1–6), *Записки* (III.1–10.15), *Рассказ Очевидца* (XVI.1, XIV.2–3, XV.1–6 — XXI.10), *Эпилог* (XXI.11). Дошедший до нас текст ориентирован на аудиторию вне Карфагена и включает также *Видение* Сатура, поясняющую главу 2 и целый ряд вставок и пояснений между Прологом и Записками, Записками и Видением Сатура, Видением Сатура и Рассказом Очевидца.

Анонимный Рассказчик, описавший события в тюрьме и на арене амфитеатра в Карфагене, где *ad bestias* в 203 г. были брошены четверо христиан, оставил в тексте ряд косвенных «улик», указывающих на одного из тех, кто был очевидцем событий, как на автора текста. Выявленная нами «стратегия» именованности и анонимности героев повествования делает указание имени интересующего нас персонажа

исключительным, аномальным. Вступительные слова очевидца мученичества выдают внутренний конфликт человека, избавленного волей случая от растерзания зверьми вместе с братьями и сестрами во Христе. Он ищет Божий промысел в своем избавлении и отождествляет позволение выжить как выражение «воли Святого Духа» (*permissit et permittendo voluit*) взять на себя описание мученичества. По «апологии выжившего» и другим «улика», оставленным анонимным автором, мы и обнаруживаем в тексте его сфрагиду.

Ключевые слова: «Страсти Перпетуи и Фелицитаты», первоначальный состав *Passio*, дошедший до нас второй состав *Passio* для внешнего мира, апология выжившего как «улика» и сфрагида Рассказчика-Очевидца.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44147 («Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников: перевод латинской и греческой версий произведения, сопровождаемый подробным научным комментарием, экскурсами в богословскую, историческую, литературоведческую проблематику текстов»). Приношу искреннюю благодарность всем участникам проекта (А. И. Шмаина-Великанова, П. Н. Лебедев, О. И. Ярошевская, †А. Н. Грешных, Т. А. Михайлова, М. С. Касьян, В. В. Степанов, С. Н. Давидоглы, С. В. Федорова) за ценную критику данной работы. В статье цитируется наш общий, не изданный перевод, не принявший еще окончательного вида.

N. V. Braginskaya

Russian State University for the Humanities/NRU «Higher School of Economics»,
Moscow, Russia. lsatissuperque@gmail.com

What was the name of the Eyewitness and Narrator in the «Passio Perpetuae et Felicitatis»?

The key role in establishing the identity of the anonymous Narrator plays a strange phrase that, in our opinion, begins the narrative of events in the arena with a discussion of the Narrator's rights to his role. However, the phrase is not in its place in the text that has reached us. Our reconstruction of the original set of the documents included into *Passio* allows us to indicate the beginning of the composition by Narrator, and what his first words were about.

According to our reconstruction, the original version of *Passio*, compiled from documents of various authors, includes four parts: the first two clearly precede the subsequent ones, and the two ensuing respond to the preceding ones and pick up their themes and last words. The first part of the introduction of the Witness (*Pass. Perp* 16.1) responds to the general recommendation of the Prologue: for the building up of the church and man (*Pass. Perp* 1.3; 5) to record new documents (of fidelity and believing) and new prophecies and visions, just as ancient prophecies in the Scripture.

And the second part of the introduction informs us that the author takes upon himself the commission placed at the end of the Notes of Perpetua: to complete exactly her Notes as exactly such *documenta fidei*.

The original composition is thus coherent and consistent: the Prologue (1.1–6), the Notes (3.1–10.15), the Story of the Witness (16.1, 14.2–3, 15.1–6 — 21.10), the Epilogue (21.11). The extant text, aimed, as we suggest, at an audience outside Carthage, also includes the Vision of Satur, explaining Ch. 2, and a number of inserts and explanations between the Prologue and the Notes, the Notes and the Vision of Satur, the Vision of Satur and the Eyewitness Account plus the Epilogue.

The anonymous Narrator, who described the events that took place in the prison and in the arena of the amphitheater in Carthage, where four Christians were executed in 203 CE, left a number of indirect “clues”. They point to one of those who had watched the events as to an author of the text. The “strategy” of naming and anonymity of the characters in the narrative that we have identified makes the indication of the name of the person of interest to us exceptional, anomalous. In addition, the opening words of the eyewitness betray an inner conflict of a man saved by chance from being mauled by beasts along with his brothers and sisters in Christ. He seeks God's Providence in his rescue, and identifies the “permission” to survive and the will of the Holy Spirit to burden him with writing down the story of the martyrdom. Thanks to “survivor's apologia” and other “clues” in the story we find the author's sphragida in the text.

Keywords: The Passion of Perpetua and Felicity, reconstruction of the original set of documents, the survived second set for the outside world, beginning of the Eyewitness story, survivor's apologia as «clue» to disclose a sphragida of the Eyewitness Narrator.

1. Реконструкция первоначального состава «Страстей Перпетуи и Фелицитаты» и первых слов Рассказчика-Очевидца

Написанные на латинском языке и переведенные позднее на греческий «Страсти Перпетуи и Фелицитаты и с ними пострадавших» (Карфаген, 203 г. н. э., далее «Страсти...»)¹ состоят из нескольких частей, только две из которых имеют не анонимных авторов: *Записки* Перпетуи и *Видение* Сатура². Вопрос о том,

¹ Об исходном языке «Страстей...» см. Mazzucco 2018.

² Впрочем, свои имена как авторов ни Перпетуя, ни Сатур сами не объявляют. Перпетую называют в ее тексте другие персонажи, Сатура никто в его *Видении* по имени не называет. О том, что они авторы — сообщает некий составитель в связующих фразах. Можно предположить, что и Перпетуя и Сатур не сомневались, что их читатели сами знают, без надписаний, кому принадлежат сочинения, которые они передавали из тюрьмы на волю. Впоследствии при распространении

сколько соавторов было у Перпетуи и Сатура, обсуждается нами в отдельной статье, в которой мы выделяем еще минимум три авторских голоса, возражая при этом наиболее распространенному мнению о том, что *Пролог*, *Эпилог*, и *Рассказ* очевидца о мученичестве, как и роль составителя целого с необходимыми вставками и связками частей принадлежат одному и тому же человеку, именуемому Редактором. Мы усмотрели разительные отличия в языке и стиле, в дистанции по отношению к событиям, а также в том, в сколь различной перспективе видят прославляемых мучеников авторы *Пролога* / *Эпилога* и *Рассказа* о событиях на арене, и где в тексте перед нами Редактор-Составитель³.

Существование Повествователя, или Рассказчика, как самостоятельной анонимной фигуры отличной от автора *Пролога* и *Эпилога* признают некоторые комментаторы и авторы, пишущие о нашем памятнике. Например, Хеффернан замечает между делом о том, что Редактор и автор *Пролога* и *Эпилога* — разные персоны, оставляет и того и другого безымянными (Heffernan 2012: 3, 147).

Исходя из сказанного, мы реконструируем первоначальный состав «Страстей...», опираясь на критерий связности частей, во-первых, и неестественность именно таких связей внутри текста одного человека, во-вторых. *Пролог* явно предваряет *Записки* Перпетуи тем, что говорит о новом пророчестве и его поучительности и роли в строительстве церкви. Но он предваряет и *Рассказ* Очевидца тем, что призывает записывать документы веры для созидания человека и церкви, так как чтение подобных рассказов о примерах веры содержат как бы их воспроизведение (repraesentatio) и о том, что знакомым с событиями, напомнит о них, а незнакомым позволит вступить в общение с мучениками, а через них с самим Иисусом Христом

текста по миру и расширению круга читателей потребовалось указание имен.

³ См. об этом Braginskaya; Lebedev 2023. Мы пересмотрели также число мучеников, восстановив исходный текст гл. 19.3 и обнаружив, что Revocatus — это не имя отдельного человека, но прозвище, агномен, Сатурнина, см. Braginskaya 2022. В дальнейшем мы будем без специальных оговорок исходить из того, что на арене были казнены четверо: Вибия Перпетуя, Фелицитата, Сатур и Сатурнин Ревокат, а до того в тюрьме был убит Секундул.

(I. 1 и 6)⁴. В *Эпилоге* автор откликается на темы своего собственного *Пролога*, практически повторяя свои слова о чтении примеров веры для созидания Церкви, о пророчествах как проявлениях силы Святого Духа и прославляет мучеников, описание подвигов которых только что закончилось, начиная с восклицания: «O fortissimi ac beatissimi martyres!» В свою очередь Очевидец подхватывает дважды повторенные в *Прологе* слова о силе Святого Духа, который подает мученикам дары пророческого дара (I. 6).

Завершается *Пролог* словами: «И вот то, что мы услышали, <увидели> и к чему прикоснулись, возвещаем и вам, братья и чада, чтобы те из вас, кто был при этом, вспомнили славу Божию, а те, кто сейчас, внимая [<чтению>] об этом, узнаёт, получили общение со святыми мучениками и через них — с Господом нашим *Иисусом Христом*, Кому слава и честь во веки веков. Аминь». После этого для тех, кто собрался в день ли поминовения мучеников или в другой день, чтец приступает к *Запискам* Перпетуи.

В свою очередь Перпетуя заканчивает свои *Записки* словами: «Я писала это вплоть до кануна игр. А что будет на самих играх, если кто пожелает, пусть опишет» (No[s] usque in pridie muneris egi; ipsius autem muneris actum, si quis voluerit, scribat. X. 15). На них Рассказчик отзывается пассажем, начинающимся с Quoniam ergo (XVI. 1), т. е. «Итак, поскольку...». Однако в ныне существующем тексте, поддержанном всеми 9-ю средневековыми рукописями и греческим переводом, эти слова никакого итога не подводят и вывода никакого не делают.

Мы полагаем (и в этом не одиноки), что *Видение* Сатура⁵, как и связующие информативные вставки между частями, были добавлены к тексту, который состоял из *Пролога*, *Записок* Перпетуи, *Рассказа* Очевидца и *Эпилога*. Никаких поясняющих вставок в нем не было, так как в Карфагенской общине в целом

⁴ Был ли очевидцем также и автор *Пролога*? Он явно относит себя к поколению «братьев», старших, однако, перефразируя 1 Ин 1:1–3 (ср. Ин 19:35) о том, что слышали видели, рассматривали и что руки осязали (audivimus — vidimus — contrectavimus), автор латинского текста опускает именно vidimus, что греческий перевод восстанавливает, следуя оригиналу 1 Ин 1:1–3.

⁵ Я. Бреммер не исключает даже отдельного издания *Видения* Сатура (Bremmer 2017: 440).

знали, о чем и о ком идет речь: они собрались помянуть и почитать своих местных святых мучеников.

Примерно так формировались и Акты Киприана Карфагенского, но в этом случае сохранились обе редакции, которые отличаются по составу. В 1-й редакции сообщается о событиях 258 г., о возвращении Киприана из ссылки, о вынесении ему смертного приговора и о его казни 14 сентября. Эта редакция составлена вскоре после событий и адресована христианам Карфагена, для которых Киприан был знатный человек и уже 10 лет их епископ. Вторая редакция добавляет рассказ о суде и приговоре к ссылке в 257 г. и о повторном аресте. Эта редакция, по Бастиансену по крайней мере, предназначалась для христиан вне Карфагена. Естественно, что именно предназначенный для рассылки текст получал более широкое распространение (Bastiaensen et al. (eds.) 1987: 197–202).

В нашем случае сохранилась, видимо, только «вторая» редакция. В имеющихся рукописях и в научных изданиях после *Записок* в рукописях следует не рассказ об играх, а *Видение Сатура* (глл. XI–XIII), добавленное тем, кто, и предварил его словами: *Sed et Satorus benedictus hanc visionem suam edidit, quam ipse conscripsit* («Но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное». XI.1) и завершил словами: *Haec visiones insigniores ipsorum martyrum beatissimorum Saturi et Perpetuae, quas ipsi conscripserunt* («Таковы необыкновенные видения сих блаженнейших мучеников Сатура и Перпетуи, ими самими записанные». XIV.1). Такими же словами предваряются *Записки* Перпетуи, вместо того, чтобы просто следовать за *Прологом*: *Haec ordinem totum martyrii sui iam hinc ipsa narravit, sicut conscriptum manu sua et suo sensu reliquit* (Дальше идет уже ее собственное изложение всего мученичества по порядку, как сама она его оставила, записав собственноручно и по своему разумению. II. 3). *Рассказ* же о происходившем в тюрьме и на арене амфитеатра идет следом и занимает почти целиком главы XIV–XXI. При этом, мы считаем, что начало повествования приходится в XVI. 1, а XIV и XV дополненные вставками в начале и конце (XIV. 1 и XV. 7) перемещены со своего места где-то после XVI 1.

Иными словами, в дошедшем до нас тексте, видимо, произошел какой-то сбой⁶.

⁶ О нарушении в порядке следования глав в рукописной традиции см. в нашей статье Braginskaya, Lebedev 2023. Очевидно порядок следова-

Хотя исходное место гл. XIV. 2–3 и XV. 1–6 в *Рассказе Очевидца* неочевидно, мы полагаем, что упомянутые главы должны находиться между нынешним вступлением (гл. XVI) и последней главой Очевидца (XXI. 10). Дело не только в плавных переходах, хотя и в них тоже, а в том, что эти главы, как и все описание мученичества, подчинены сквозной мысли Рассказчика. Она состоит в том, что Бог позаботился дать каждому из мучеников такой конец, которого тот желал или который отвечает его природе. В двух главах, нелепо стоящих перед вступлением, проводится та же мысль, отличие лишь в том, что в них говорится о проявлении этой милости еще в тюрьме, а не на арене. Фелицитата хотела родить до дня игр, чтобы пострадать вместе со своими (беременных не казнили), и родила преждевременно за сутки до дня казни; Секундул был убит в тюрьме сразу, тем самым, Бог избавил его от растерзания зверьми⁷. А рассказ о звероборстве Рассказчик предваряет словами из Ин 16:24: «Но Тот, Кто сказал: “Просите — и получите”, дал просящим тот конец, какого каждый желал» (XIX.1). Он сообщает затем и о том, что мученики обсуждали между собой, какой у кого «обет мученичества» (*votum martyrii*), и рассказывает, как эти обеты выполнялись. Если, Сатурнин хотел вынести нападения всех зверей по очереди, то против него были выпущены вепрь, медведь и леопард. Сатур очень боялся медведя и рассчитывал на то, что его одним ударом убьет леопард. Так и вышло: вепрь не причинил ему вреда, медведь не захотел выходить на арену, а леопард мгновенно нанес ему смертельную рану. Что же касается Секундула и Перпетуи, то первый был убит до обсуждений каких-либо желаний, а об обете Перпетуи ничего не сказано. Рассказчик поэтому сам осмысливает их конец как Божью милость. Он не поясняет, почему для Секундула милостью было не оказаться на арене со зверьми, хотя для Сатурнина — милость — это быть отданным им всем

ния глав был нарушен очень рано, еще до времени перевода «Страстей...» на греческий язык.

⁷ Представление о том, что не все по силам подростку, естественно. Возможно, в данном случае мы имеем дело с таким представлением. Конечно, чаще рассказывается, что юные существа гибнут, выдержав все пытки; так в исторических источниках, например, пятнадцатилетний Понтик в «Письме Лионских мучеников» (Eus. Hist. Ecc. V, 1, 53), так и в легендарных, например, младший брат семерых братьев из Второй Маккавейской книги (2 Макк 7.30–37). Такие истории не противостоят истории Секундула, а являются другим ее вариантом.

на растерзание. Возможно, дело в его возрасте. Мы знаем только, он был *adolescens*, как и другие. Однако его имя — *Secundulus* — исключительно редкое⁸. Это диминутив от обычного имени Секунд, Второй (сын). В греческом переводе его исправили на «нормального» Секунда. Можно предположить, что Секундул — домашнее ласковое имя и что он был подростком, которому противостояние диким зверям не по силам.

Когда же приходит очередь Перпетуи, и неумелый гладиатор попадает клинком по ключице, она сама направляет его руку себе в горло (XXI.9). Рассказчик заканчивает повествование такими словами: «Быть может, столь великая женщина, которой страшился нечистый дух, не могла быть убита иначе, нежели так, как сама того пожелала?»

Таким образом, главы, в которых идет речь о милости к Секундулу и Фелицитате, а именно XIV.2–3 и XV.1–6 должны располагаться между XVI.1 и XXI. 10, в чередо описаний милости, проявленной к Сатуру, Сатурнину и Перпетуе, а следовательно, XVI.1 — это вступление, *quod erat demonstrandum*, прежде чем мы обсудим необычное начало этого вступления.

Если мы изыдем гл. XIV. 2–3 и XV 1–6, идущие после вставленного *Видения* Сатура, то к словам «Итак, поскольку...» появится плавный переход. А именно: сразу после предложения Перпетуи описать то, что ей описать уже не придется, вступает Очевидец с такими словами: «Итак, поскольку Дух Святой дозволил и дозволением изъявил Свою волю, чтобы было записано, что и как происходило на играх, то даже если мы и недостойны прибавить что-либо к описанию столь великой славы, тем не менее, мы исполняем то, что как бы поручила, и даже завещала нам святейшая Перпетуя, добавляя еще одно свидетельство ее твердости и величия души» (XVI. 1). Это предложение содержит важную «улику».

2. Рассказчик, его роль в событиях и его сфрагида

Рене Браун, посвятивший работу доказательству того, что Тертуллиан не является автором ни одной из частей «Страстей...», в конце высказал предположение, что третьим автором был кто-то из клира, знакомый с Перпетуей и взявший на себя описание того, что было на самих играх (X.15). Рассказчик во

⁸ Засвидетельствовано всего однажды в североафриканской эпитафии имперского времени: *Afrique* 1998: 570, № 1775.

вступлении к повествованию отсылает к этим словам Перпетуи как к ее *mandatum* и *fideicomissum*, то есть «поручению» и «завещательному распоряжению», такому, в котором исполнителя не называют (XVI.1). Рене Браун предложил на эту роль диакона Помпония. О нем известно только сказанное в *Записках* Перпетуи: он заботится об узниках и дает взятки тюремщикам, а в четвертом *Видении* ведет Перпетую к амфитеатру на битву с дьяволом и говорит, что будет бороться там вместе с нею (III.7; VI.7; 10.1). Таким образом, сквозь него просвечивает сам Христос, который на арене встретит Перпетую в виде гигантского Ланисты. Помпоний, образованный человек, хлопотавший к тому же об условиях содержания узников, мог быть исполнителем завещательного распоряжения Перпетуи. Но в реальности он больше никак не проявляется. Появление его в *Видении* в роли «почти Христа» спровоцировано его именем Помпоний: Проводник, Сопровождающий, Вожатый. Это может «сработать» в сновидении как бессознательная «подсказка» (провоцируемые «этимологией» имени сновидения фиксируются теми, кто изучает сны), и не может его характеризовать. Р. Браун, между тем, сомневается, чтобы автор *Пролога* и *Эпилога* стал дополнять *Записки* Перпетуи, потому что его положение священника, богослова и учителя не отвечает такой роли⁹. Но для диакона он считает такую роль возможной, тем более, что через полвека Понтий — тоже диакон, знакомый к тому же со «Страстями...»¹⁰, взял на себя увековечение мученичества и *exemplum* своего епископа Киприана, которому он и служил (Braun 1979). Вероятность, что Помпоний был автором, не больше, чем у любого другого свидетеля-христианина, бывшего в тот день в Карфагене и не оставившего улик своего авторства. Отметим в поддержку разделяемому нами мнения Брауна, что Прологист и Рассказчик — разные личности слова *Пролога* о необходимости предавать

⁹ Тем самым Р. Браун (Braun 1979) отделяет Рассказчика от автора *Пролога* и *Эпилога* и усматривает, таким образом, четыре голоса в «Страстях...». Ж. Ама называет предположение об авторстве Помпония «соблазнительным», при этом, по ее мнению, заботившийся об узниках образованный диакон Помпоний мог бы быть автором и «удивительного Предисловия» (*Пролога*), вообще всего, кроме сочинений Перпетуи и Сатура (Amat 1996: 69).

¹⁰ О влиянии «Страстей...» на «Жизнь Киприана» см., например, в Видении Киприана: Pontius. Vita. 12. 3–9; см.: Reitzenstein 1913: 49–50; Martin 1919; Aronen 1984).

письму примеры и свидетельства веры и читать их. Требование «записывать» примеры веры и подвиги мучеников обращено к общине, не к себе.

Мы выдвигаем здесь свое предположение о личности Повествователя, или Рассказчика, поведавшего о событиях в тюрьме и на арене. Наша гипотеза не может быть подкреплена внешними свидетельствами или сопоставлениями с языком других авторов. На обнаружение каких-то новых фактов едва ли можно рассчитывать. Гипотеза строится исключительно на данных самого текста. Преимущественно на рассказе Повествователя-Очевидца.

Однако в отличие от гадательного предположения о подходящей для этой роли фигуры Помпония, наша гипотеза проливает свет на 1) странную формулировку вступления к Рассказу, 2) на упоминание имени, которое по общей «стратегии» именованного, выдержанной во всех частях «Страстей...», не должно было быть упомянуто, 3) на тему смущения и вызова, о чем в своих последних словах говорит и Перпетуя и, возможно, Сатур, когда хотят ободрить и укрепить присутствующих при их последних минутах. Ценность гипотезы измеряется тем, позволяет ли она понять что-то неясное, связать между собой до того не связанное, сделать рассказанное с расчетом на аудиторию третьего века, более «проницаемым» для читателей двадцать первого. Этим путем мы и будем следовать.

Характер описания показывает, что после событий прошло немного времени. Описание создано очевидцем событий: он рассказывает о том, что видел сам и сам там определенно находился в день игр, и, по крайней мере, на следующий, когда умер от удара вепря венатор и палач Сатура¹¹.

Как нам представляется, он писал по свежим впечатлениям. Дело не только в детальности описания, не только в ярких картинах, которые можно помнить до конца дней. Что однако может заставить человека, видевшего мученичество, получившего от священника и богослова обоснование того, что новые свидетельства веры как проявления силы Святого Духа надо непременно записывать для пользы человека и церкви, познакомившегося с поручением Перпетуи продолжить ее *Записки*, принявшего на себя исполнение этого поручения, не ис-

¹¹ Он сообщает о смерти на другой день после игр венатора, который привязал Сатура к вепрю, от удара этого самого вепря.

полнять этого? И все остальные ждали, пока он соберется с мыслями или повзрослеет?

И он отнюдь не случайный зритель в толпе.

Он осведомлен также и о том, что делалось в тюрьме перед казнью, о чем говорили между собой узники, как рожала Фелицитата, что говорила Перпетуя трибуну, как вели себя узники во время *sepa libera*, которую они превратили в агапу и т. д. Это говорит о том, что он, скорее всего, был среди тех, кто, приходил в тюрьму проведать и поддержать узников, а, следовательно, мог узнать многое от них самих в часы свиданий.

Например, что говорила Перпетуя трибуну, отказываясь за всех от костюмированной казни (облачений жрецов Сатурна и Цереры) мог сообщить помощник трибуна Пудент, присутствовавший при казни, возможно, по долгу службы, но, несомненно, и с другой целью — как обратившийся.

Очевидно, что были и такие вещи, которых узники знать не могли. Едва ли у диалога некоего стражника и Фелицитаты во время родов был шанс быть кем-то подслушанным. Стражник (*quidam ex ministris cataractariorum* — «кто-то из темничных стражей», XV. 5) был не слишком груб, его слова можно счесть даже сочувственными, ведь он предлагал женщине сопоставить родовые муки с предстоящей ужасной казнью: «Если ты сейчас так страдаешь, каково тебе будет, когда тебя бросят зверям, а ты их презрела, отказываясь принести жертвы?». В поведении Фелицитаты он видел одно неразумие, так что ему едва ли могло прийти в голову передать на волю ее знаменитый ответ: «Сейчас это я терплю, что терплю; а там другой будет во мне, кто будет страдать за меня, потому что и я за него пострадать готова» (XV.6). И едва ли и роженица стала бы сама «пересказывать» свои слова, в течение суток до казни после тяжелых родов, хотя совершенно исключить этого и нельзя.

Ответ Фелицитаты Рассказчику, скорее всего, могла сообщить повитуха. Присутствие повитухи при родах — дело для Рима рядовое¹². Но мы не были бы в этом уверены, если бы ее не упомянул сам Рассказчик, когда написал, что Фелицитата шла на казнь «от крови к крови, от повитухи к ретиарию» (XVIII. 3)¹³. Поскольку известно, что некая сестра-христианка

¹² Plaut., *Capt.* 629, *Cistell.* 139; Teren. *Adelph.* 354, 618, *Andria* 299, 513; Hor. *Epod.* 17.49 etc.

¹³ Ретиарию как «низшему чину» в иерархии гладиаторов обычно поручалось добить истерзанных зверьми.

воспитала ребенка Фелицитаты как свою дочь (XV.7), то, скорее всего, повитуха не оставила его в военной тюрьме, а сразу или почти сразу унесла младенца с собой, ведь Фелицитату казнили всего через сутки (XV.2–3). Если это она запомнила и передала слова Фелицитаты, мы можем думать, что она была христианкой, и даже воображать, что она же взяла сироту на воспитание. Но это к делу уже не относится. Нам важно, что Рассказчик не только присутствовал сам при казни, но и собирал свидетельства того, чему очевидцем он не был, т.е. выполнял свою миссию очень тщательно. Как он писал о своей миссии и как он ее осмыслял, мы скажем несколько позже. Однако это не такие сведения, на которые должны уйти годы. Кроме того, рассказанное через годы, устоявшееся, не имеет лакун изложения (например, неясен порядок выпуска зверей на арену); не имеет также, говоря языком кинематографа, «крупных планов» и перескакивания с одного на другое. Рассказчик подробно описывает нападение леопарда на Сатура, сразу хлынула кровь, видимо из аорты, и он весь омылся кровью. И о последних минутах и Перпетуи, и Сатура тоже сказано. Но Фелицитата, после того как буйволица ее подбросила, а Перпеетия помогла ей встать, больше по имени не упоминается. Очевидно ее добились, как и остальных, посреди арены. О Сатурнине сказано самое важное, что он достался всем зверям, а в конце на него напал леопард. Это самое естественное для описания, созданного без большого обдумывания и планирования.

Рассказчик упоминает троих, кто своими глазами видел эти «крупные планы мученичества» во время травли зверьми, потому что находился на арене рядом с мучениками. Мы можем, разумеется, предполагать, что, помимо упомянутых трех человек, было еще сколько угодно свидетелей, так сказать, «Помпониюв», которые находились в амфитеатре и тоже могли оставить такое описание.

Нам однако представляется, что Рассказчик находился среди тех, кто был на арене и видел смерть изблизи. Их было трое: брат Перпетуи, катехумен, другой катехумен, Рустик, именуемый «неким» (XX. 8; 10) и Пудент, помощник начальника тюрьмы (IX. 1, XXI. 1;4).

Итак, первая кандидатура на роль Рассказчика – Пудент, тюремщик всех, кто был осужден *ad bestias*, для торжеств — игр в честь дня рождения цезаря Геты. Он постоянно находился при особых узниках и был потрясен силою, которую

почувствовал в христианах, и не только проникся к ним своего рода пиететом, он обратился, он уверовал. Он мог знать происходившее в тюрьме и определенно присутствовал при казни.. При этом на виду у всех, включая своих начальников, он поддерживал «преступников». Сатур перед своим концом ободрил его, попросил кольцо с его руки, обмакнул в свою кровь и дал Пуденту «в наследство» (XXI.5). Пудент мог бы быть Повествователем сам и, при его расположении к узникам, подходит для роли того, кто рассказывал родным и близким многое о происходившем в тюрьме, чего Перпетуя в своих *Записках* не касалась. Иными словами, для роли источника сведений для Повествователя-Очевидца он подходит, но едва ли он мог быть автором рассказа.

И вот почему: хотя Пудент уверовал, его обращению ко времени казни была от силы неделя. Рассказчик придает символический и литургический смысл многим событиям и обстоятельствам мученичества (Shmaina-Velikanova 2023: 336–338) и, как мы показали выше, создает целостное богословское осмысление участи каждого и предваряет его в XIX. 1 подходящей цитатой из Евангелия: «Но Тот, Кто сказал: “Просите – и получите”, дал просящим тот конец, какого каждый желал» (Ин 16:24).). Научиться самостоятельно давать событиям богословское толкование за такое время не мог бы и образованный человек, профессия же Пудента к интеллектуальным занятиям не слишком располагала. Недаром среди агиографических топов обратившегося солдата или стражника или даже гонителя не встречаются агиографы.

Остаются из троих безымянный брат Перпетуи и некто по имени Рустик. Мог ли Повествователь быть родным братом Перпетуи? Сомнительно. Он восхищается Перпетуей, преклоняется перед ней, но нет ни слова, которое говорило бы о его родстве или о близкой семейной дистанции, ни слова о ней как о сестре — с позиции близкого родича. О нем собственно совсем ничего не сказано, кроме того, что он там был.

Из тех, кто был рядом с мучениками на арене, остается Рустик. В какой огласительной группе состоял этот Рустик, если он находился там вместе с родным братом Перпетуи и тоже катехуменом? Не будет большой смелостью сказать, что брат Перпетуи, катехумен, и знакомый ему катехумен Рустик, подхвативший упавшую Перпетую, были членами одной и той же общины, а именно той, в которой Сатур проводил оглашение. Рустик был знаком Перпетуе.

Почему пятеро молодых катехуменов, к которым позднее добровольно присоединился Сатур, были схвачены и казнены, а эти двое находились в амфитеатре, но им ничто не угрожало, этот вопрос обсуждается в статье П. Н. Лебедева¹⁴. Так что этот вопрос мы здесь затрагивать не будем, признавая просто факт: карфагенские христиане, включая, вероятно, и родных Перпетуи, оставались на свободе и могли навещать узников, приговоренных к казни за исповедание своей веры.

Так или иначе, пятеро молодых людей, к которым присоединился их катехизатор, были арестованы, а эти двое катехуменов, каким-то образом избежали ареста, тюрьмы и казни и смотрели на казнь учителя, родной сестры и братьев и сестер во Христе, находясь рядом с теми, на чьем месте они сами легко могли бы оказаться. Вепрь, медведь, дикая буйволица и леопард находились с ними в одном пространстве. Рустик выскакивал на арену, чтобы поддержать Перпетую, упавшую от удара рогов буйволицы.

Перед смертью Сатур и Перпетуя говорят с этими тремя, укрепляют их и предупреждают от «смущения» и «соблазна». Перпетуя подозвала брата «вместе с тем (*illum*) катехуменом», т. е. Рустиком, чтобы сказать им свои последние слова: *In fide state et invicem omnes diligite, et passionibus nostris ne scandalizemini* («В вере стойте, друг друга любите и мучениями нашими не соблазняйтесь!»).

От чего же предупреждает Перпетуя? Конечно, Перпетуя укрепляет брата и Рустика в вере, и самое простое, что можно предположить, в словах «не преткнуться о камень» — это не испугаться и не отпасть, видя мучения и страшную смерть, которые угрожают верным. В том же как будто состоит и завещание Сатура несколькими стихами позже, обращенное к воину Пуденту: «*Vale, — inquit, — et memento fidei et mei; et haec te non conturbent, sed confirment*» («Прощай, — сказал он, — и помни о вере и обо мне, и всё это да не смутит тебя, но укрепит» XXI 4). При виде страданий невинных и дорогих людей и жестокости их палачей, возможно также и разуверение, отпадение от Бога. Но едва ли пылкие христиане Карфагена, торжествующе выходящие на арену, при их ценности страдания за веру и стремлении уподобиться Христу, могли вообразить бунт против Бога, вызванном зрелищем казни. Слово, обращенное Сатуром к Пуденту, отражает относительно

¹⁴ Lebedev 2021: 104–112.

более простую коллизию и обращено к солдату, он предупреждает от *conturbatio*, т. е. замешательства, смятения. Перпетуя, говоря с катехуменами, один из которых родной брат, использует весьма нагруженное слово: *scandalizemini*.

В фундаментальном исследовании Г. Штелина обсуждаются и исходные значения слова в языческих текстах и его новозаветные значения: (σκάνδαλίζω встречается в НЗ 30 раз, вдвое меньше σκάνδαλον, есть и другие производные)¹⁵. В новозаветном «скандале» сходятся оторопь, вызов здравому смыслу, оскорбительная провокация, нравственная апория, невыносимый внутренний конфликт, недоуменное смятение. Можно иллюстрировать это и знаменитым определением распятого Христа: «для иудеев σκάνδαλον, для язычников глупость» (1 Кор 1.23), и призывом «не смущать брата и не вводить в соблазн (или грех)» (Рим. 14.13), или, наконец, σκάνδαλον креста – вызов веры всему, что было до Христа (Гал. 5.11) и т.д.

Свидетели мученичества, Пудент, брат Перпетуи и Рустик, пережили сильнейшее душевное потрясение, в котором был не только ужас перед казнью и опасность отпадения от Бога. Речь идет о каком-то внутреннем конфликте. Каком?

Наше внимание привлекло странное, на первый взгляд неуклюжее, выражение, которым начинается вступление к повествованию в гл. XVI.

Этим началом анонимный автор, как нам представляется, «выдал себя». Впрочем, возможно, выдал он себя только нам, тогда как карфагенским христианам его имя было хорошо известно.

<p>XVI.1. <i>Quoniam ergo permisit et permittendo voluit Spiritus Sanctus ordinem ipsius muneris conscribi, etsi indigni ad supplementum tantae gloriae describendae, tamen quasi mandatum sanctissimae Perpetuae, immo fidei commissum eius exequimur, unum adicientes documentum de ipsius constantia et animi sublimitate.</i></p>	<p>Ἡμῖν δὲ ἀναξίοις οὖσιν ἐπέτρεψεν τὸ ἅγιον πνεῦμα ἀναγράψαι τὴν τάξιν τὴν ἐπὶ ταῖς φιλοτιμίαις παρακολουθήσασαν· πλὴν ὡς ἐντάλαμι τῆς μακαρίας Περπετούας, μᾶλλον δὲ ὡς κελεύσματι ὑπηρετοῦντες ἀποπληροῦμεν τὸ προσταχθὲν ἡμῖν.</p>
---	--

¹⁵ См. описание семантики соответствующих слов в Септуагинте, НЗ, и показывает, что христианское понимание сформировано библейскими контекстами, хотя обыденные не метафорические значения (палка, ловушка, подстава) продолжали существовать в языке параллельно с большим спектром значений метафорических (Stählin 1964).

<p><i>Итак, поскольку Дух Святой дозволил и дозволением изъявил Свою волю, чтобы было записано, что и как происходило на играх, даже если мы и недостойны прибавить что-либо к описанию столь великой славы, тем не менее, мы исполняем то, что как бы поручила, и даже завещала нам святейшая Перпетуя, добавляя еще одно свидетельство ее твёрдости и величия души.</i></p>	<p>Нам недостойным Святой Дух доверил записать, что и как происходило на чествовании <Геть>; мы, повинуюсь не только как бы поручению блаженной Перпетуи, но более того, как бы ее повелению, исполняем возложенное на нас.</p>
---	---

Интересно, что такой авторитет, как Ян Бреммер, глубоко изучивший среди прочего и «Страсти...», назвал эту фразу «наиболее примечательным утверждением всего сочинения»¹⁶. Что же ней такого примечательного?

Она состоит из двух частей, первая часть о воле Святого Духа отсылает к словам *Пролога*: «мы, кто признаёт и почитает равно обетованными как новые пророчества, так и новые видения, предназначаем и остальные проявления силы Духа Святого для наставления Церкви <...> и должны <их> записывать и во славу Божию читать вслух» (I. 5). Вторая же часть, начиная с «даже если мы недостойны» отсылает к последним словам Перпетуи.

Нас в большей мере занимает первая часть. Что касается недостойнства свидетеля описать подвиг мученика, то со временем это станет агиографическим топосом. В прологе душеполезной повести «Жизнь и мученичество Галактиона и

¹⁶ «This section begins with one of the most remarkable statements of the entire Document» (Bremmer 2017: 432). Ян Бреммер считает автора *Пролога* и *Рассказчика* одним лицом, и показывает, что в повествовании *Рассказчик* подхватывает тему силы Святого Духа, его проявления в людях; ему недостаточно одного завещания Перпетуи для обоснования именно своего права продолжить ее *Записки*, поэтому он вручает решение Святому Духу, аподиктически отождествляя волю и попущение. Но в чем состоит попущение, ученый не говорит. (Ibid: 431–434). Для нас, *Пролог* писал определенно один, а повествование — другой, потому один и отсылал к авторитету другого, *Пролога*, что сам себя подобным авторитетом не считал. И хотя мы тоже считаем фразу необычной и требующей толкования, мы не нашли этому объяснения в замечательной в целом работе Яна Бреммера.

Эпистимы», которое представляет собою христианское продолжение романа Ахилла Татия и, соответственно, относится к *passion érique*, рассказчик и очевидец не только посвящает значительную часть своего введения умалению себя перед своими господами и мучениками, но и называет себя Эвтолмий, то есть «Осмеливающийся правильно». Это имя кратко выражает суть его апологии: будучи недостойн, я смею, тем не менее, говорить, чтобы подвиг Галактиона и Эпистимы стал известен братьям монахом, клиру и миру.

Может быть, и здесь речь о том, что Святой Дух позволил «мне недостойному» рассказать о виденном¹⁷? Любопытно, что греческий переводчик сохраняет самоуничижение, но убирает эмфазу, или полиптотон, и без затей сообщает о поручении или повелении Святого Духа: Ἡμῖν δὲ ἀναξίως οὖσιν ἐπέτρεψεν τὸ ἄγιον πνεῦμα ἀναγράψαι ... («Нам недостойным Святой Дух приказал записать...»). Слова о *дозволении*, или *позволении*, несмотря на недостойность стали «лишними» и в греческий перевод уже не вошли. Иными словами, для агиографического топоса они не нужны, он прекрасно обходится без них.

На чем же зиждется убеждение Рассказчика, что Святой Дух предназначил именно его записать проявления силы Святого Духа и исполнить волю Перпетуи, которая никого по имени не назвала. Его убеждение основано, в свою очередь, на допущении, которое представляется автору очевидным. Но нам необходимо понять, что именно, по мысли Рассказчика, Святой Дух ему *позволил*. Ведь это позволение или допущение содержало в себе выражение его воли на увековечение на письме подвига Перпетуи и остальных мучеников. В сущности, Рассказчик высказывает богословское утверждение, которое касается воли Святого Духа, и при этом вовсе не самоочевидное: воля отождествляется у него с попусением или дозволением, между тем как такие богословы, причем «африканские», как Августин, а до него Тертуллиан против такого отождествления возражали.

Для Августина дозволение отослать жену из-за разврата, не означает приказания развестись с нею: *Dominus autem permisit causa fornicationis uxorem dimitti; sed quia permisit non iussit* (De sermone Domini in monte 1.45). Для нашего «региона» особенно важно, что совпадение божественного *позволения* и *воли*

¹⁷ Ян Бреммер замечает, что по данным TLL VII 1.1188.65–74 *indignus* для выражения самоуничижения слово весьма нечастое (Bremmer 2017: 434).

исключает Тертуллиан. Л. Ф. Пиццолато в своих заметках о «Страстях...» посвятил этому различию специальный раздел «Una discordanza con Tertulliano», где приводит ряд пассажей о различии дозволения и выражения воли (Pizzolato 1980: 105–108). Один такой пассаж мы процитируем:

«Итак, я утверждаю, что надлежит тщательно изучать волю Божью, и не только волю Его явную, всем нам известную, но и волю Его сокровенную. Есть вещи, на первый взгляд согласующиеся с волей Божьей, потому что Он их дозволяет; но что только дозволено, то не составляет еще прямой воли дозволяющего. Дозволение означает более снисходительность, нежели волю. Оно, конечно, дается не без участия воли, но тут воля возбуждается особою причиною, как бы принуждающей ее дозволить то, что она велеть затрудняется. Изучай волю Божью, какова она сама по себе, и старайся вникнуть в причины, заставляющие ее в известных случаях уклоняться от прямого пути. Воля Его состоит не в том, что Он по снисхождению дозволяет, но в том, что законом Его предписывается. Коль скоро Он дозволяет какую-нибудь вещь, то тем самым показывает, что Он ей другую вещь предпочитает. Не ясно ли, что нам лучше творить то, что Им предпочитается, нежели то, что Им дозволяется?» (Tert. De exhortatione castitatis 3, 1–2; перевод Е. Кареева). В следующей главе того же сочинения Тертуллиан высказался еще суровой: «Если <Господь> пожелал, он не позволил, а напротив, приказал» (Si enim vellet, non permisisset, immo imperasset. 4.4).

Получается, что греческий переводчик не случайно опустил сомнительное отождествление дозволения и воли, или приказа-ния, Святого Духа: он счел его, с одной стороны, слишком ответственным, а с другой — лишним, посторонним для топоса самоумаления.

Мы видим в словах «Итак, поскольку Дух Святой *дозволил или попустил* (permisit) и *дозволением изъявил Свою волю* (permittendo voluit) *чтобы было записано*, что и как происходило на играх», предельно сжатую апологию. Выражение это на первый взгляд плеонастическое, на второй, напротив, чрезмерно сжатое, а на третий, к которому мы пришли, оно отсылает к тому смятению или тому «скандалу», о которых говорили на пороге смерти Перпетуя и Сатур.

Итак, два катехумена, находятся на арене, где на их глазах истязают и казнят их братьев и сестер, а они сами избежали каким-то образом ареста и приговора ad bestias. Уцелевшим

случайно в массовой резне, бойне, репрессиях и тому подобном не дает покоя вопрос: «Почему не я? Почему я выжил, а они все погибли? Как мне людям в глаза смотреть?» Вспомним к тому же, что Сатур добровольно сдался властям. Чувство, которое переживают как вину за то, что выжили, рационально ложное, но этим не отменяемое. В таком переживании признавались многие выжившие даже в природных катастрофах.

И Рассказчик поэтому начинает с ответа на мучительный вопрос: «Отчего я остался цел, когда они погибли?»: Дух Святой попустил (*permisit*) ему не оказаться вместе с остальными в момент ареста и не быть брошенным ко зверям, и этим попусшением (*permittendo*) выразил свою волю сделать известными обеты мучеников, Божью милость, им дарованную, их мучения и их победу. Он преодолевает так называемую «травму выжившего» тем самым способом, к которому прибегали и прибегают выжившие свидетели насильственной гибели близких и дорогих людей или массовых убийств. Свое случайное спасение они воспринимают как выпавшую на их долю миссию — поведать миру о страшных преступлениях одних и ужасных страданиях и героизме других.

Этот феномен изучен в сравнительно недавней истории XX в. Узники лагерей смерти свидетельствовали на процессах о нацистских преступниках, после чего уходили из жизни, не желая нести далее груз пережитого. Однако явление это не является принадлежностью лишь близкого к нам времени. Скупое, но о том же явлении говорится в самом раннем «Мученичестве Поликарпа», написанном свидетелями событий: «Когда он произнес «аминь» и окончил молитву, тогда приставленные к костру разожгли огонь. Когда же огонь сильно разгорелся, то мы увидели [великое] чудо, мы, которым дано было видеть, которые и *сохранены* для того, чтобы происшедшее пересказать прочим» (οἱ καὶ ἐτηρήθημεν εἰς τὸ ἀναγγεῖλαι τοῖς λοιποῖς τὰ γερόμενα) (гл. 15, перевод А. И. Сидорова).

Обратимся теперь к анонимному «Мученичеству Святых Мариана и Иакова», карфагенских христиан, пострадавших в Нумидии в 259 г. при Валериане. Со времени П. Франки де Кавальери об этом сочинении установилось мнение как о литературном произведении, основанном на реальных событиях и заимствовавшем многие образы и литературные приемы именно

из «Страстей Перпетуи...»¹⁸. В нем также присутствует «апология выжившего», причем развернутая.

Для стяжания венца нетленного христиане отправилась в путешествие туда, где шли жестокие гонения. Об их путешествии, встрече с другими христианами, видимо, в условленном месте под названием Мугуас неподалеку от Цирты (совр. Константина в Тунисе), аресте, исповедании веры, пытках и обстоятельствах жестокой казни рассказывает один из отправившихся в Нумидию с той же целью, что остальные. Но ему поручили донести свидетельство об их подвиге до братьев, видимо, в Карфаген. Присутствие при казни мучеников и братьев, неприсоединение к ним, требовало объяснений. И аноним посвящает целую главу своего вступления объяснению того, почему он-то не пострадал вместе с остальными, чтобы достичь покоя, *in pace*, в блаженстве иного мира¹⁹. Объяснения его многословны и несколько вычурны, но сводятся к тому же: он не стал исповедовать свою веру, но не как отступник, а как очевидец, чья миссия — сообщить для укрепления христиан на родине о подвигах мучеников. Во вступлении к «Страстям Святых Мариана и Иакова» мы читаем:

¹⁸ См. Franchi de' Cavalieri 1900. Пересечения идей, образов и эпизодов обсуждалось многими исследователями особая задача, которая к тому же уже делалась не одним исследователем в видении Мариана это высокий помост, уходящий в небо (6.6–7), подобный лестнице в *Видении* Перпетуи, преторий Судии, и образ претория, в который превратилась тюрьма, когда Перпетуе оставили в тюрьме ребенка (6.11); фиал, которым Киприан во сне героя зачерпывает воду в райском месте и подает пить мученику (6.14), *locus amoenus* кипарисы до неба, когда мученик идет с Судией (6.12–13), ср. райское место в *Видении* Сатура и т. д. и т. п. ... Иаков же видит во сне юношу огромного роста в неподпоясанной белоснежной одежде, что отсылает ко Христу в образе Ланисты, ноги его не касались земли, а лицо было за облаками, что отсылает к образу Господа в *Видении* Сатура (7, 3) и т. д. О прямых заимствованиях в «Мученичестве Святых Мариана и Иакова» из других агиографических памятников см.: Agonen 1984: 169–170, особенно P. 186.

¹⁹ Ср. такое значение привычного выражения *in pace* — *в мире, в покое*, как описание жизни праведников «в руце Божией» и в небесной обители см. Премудрость Соломона 3:3: καὶ ἡ ἀφ' ἧμῶν πορεία σύντριμμα οἱ δὲ εἰσὶν ἐν εἰρήνῃ; et quod a nobis est iter exterminii illi autem sunt in pace.

<p>I.2. et nobis quoque hoc praedicandae gloriae suae munus Dei testes nobilissimi reliquerunt, Marianum dico, ex dilectissimis fratribus nostris, et Iacobum, quos mihi scitis praeter communem sacramenti religionem, vitae etiam societate et domesticis affectibus inhaesisse. 3qui contra saevientis saeculi pressuras et gentiles impetus habituri tam sublime certamen, praelium suum, quod instinctu spiritus caelestis inierunt, in notitiam fraternitatis per nos venire iusserunt, non quod in terris vellent coronae suae gloriam per iactantiam praedicari, sed ut praecedentibus experimentis multitudo plebis et Dei populus ad exemplum fidei posset armari, 4 nec inmerito id obsecuturo mihi fiducia familiaris iniunxit; quis enim dubitet quae nobis in pace vitae communitas fuerit, quando nos individua dilectione viventes unum tempus persecutionis invenerit?</p>	<p>I.2. И нас тоже самые знаменитые свидетели Бога возложили почетное бремя провозглашения их славы. Я называю имена самых драгоценных из наших братьев, Мариана и Иакова, с коими, как вы знаете, меня, кроме единых священных уз (commune religionem) таинства, связывали общая жизнь (societate) и семейные связи (domesticis affectibus). 3. Готовые к столь великому противостоянию (tam sublime) гонениям жестокого мира и натиску язычников, к своей битве, в которую они вступили побуждаемые Духом небесным, они приказали, чтобы через нас братство об этом узнало, не потому, чтобы они жаждали провозглашения на земле славы своего венца, но чтобы на опыте предшественников простой народ и народ Божий могли бы вооружиться примером веры. 4. И с полным основанием доверие близких возложило именно на меня это исполнить. Ибо кто же усомнится бы мы в мире, когда бы нас, при жизни связанных неразрывными узами любви, гонение застигло одновременно?</p>
---	--

Итак, автор утверждает, что на него «тоже» (et nobis quoque) сами мученики возложили обязанность рассказать об их подвиге. Возможно, это «тоже» отсылает нас на 56 лет назад, когда Перпетуя поручила тому, кто пожелает, рассказать о звероборстве в Ксарфагене. Он разворачивает свою апологию, потому что выжил он не случайно, и нет никаких оснований говорить о судьбе или попущении Святого Духа. И он не апеллирует ни попущению, ни к воле Святого Духа. Он был избран Марианом и Иаковом, о которых прежде всего и пишет, на роль рассказчика-очевидца. Обоснование того, что он берется писать о происшедшем — только одна из черт «Страстей...» 203 года, на которые он оглядывается в своем сочинении. Таким образом,

и образцовый для описания мученического подвига «Мартирий Поликарпа» и зависящий о «Страстей...» автор «Мученичества Святых Мариана и Иакова» содержат в первом случае кратчайшую, а во втором подробную апологию «выжившего». Ее мы усматриваем и во вступлении к рассказу Очевидца.

Есть еще одно соображение, которое позволяет считать упоминание «некоего Рустика» сфрагидой Рассказчика. Это исключительность упоминания собственного имени «такого персонажа» как Рассказчиком, так и вообще во всех текстах этого собрания документов. Наш анализ всех имен во всем корпусе «Страстей» (готовится к печати) показал, что собственное имя дается участникам событий избирательно.

По именам называются все индивидуальные мученики (неиндивидуальные — это многочисленные обобщенные обитатели Рая, старцы, ангелы), все клирики; в *Затисках* это Терций и Помпоний, у Сатура — Аспасий и Опат (эти двое живы, физически, но находятся у усыпанных розовыми лепестками свежих могил Сатура и Перпетуи, а мистически — в молитвенном общении с мучениками под розовым деревом у врат Рая); все индивидуальные обитатели иного мира (Ланиста, Пастырь, Динократ, диакон Помпоний, в роли ангела). Назван по имени солдат язычник, тюремный страж Пудент, который, обратился. Такое обращение — имеет особое значение как проявление силы Святого Духа. У Прологиста упоминается только Святой Дух, Господь, Бог, Иисус Христос. Кроме того, важны имена посясторонних гонителей и иномирных «врагов». Поэтому именованы судья Гилариан (возможно, также его предшественник), Египтянин (символически Дьявол), цезарь Гета, в его день рождения устроены игры, языческие боги Сатурн и Церера, в одеяния которых хотели на потеху облачить казнимых. Безымянны все групповые «враги» — зеваки, зрители, толпы, солдаты-взяточники, охранники-притеснители, венаторы-бичеватели, — все они безымянны. Не получают имен и родные Перпетуи, мать, тетка, отец, сын, братья, женщина, которая воспитала ребенка Фелицитаты. Перед нами две категории — полные святости и полные скверны, только их имена и должны быть увековечены.

Рустик же не попадает ни в ту, ни в другую категорию: не принадлежит ни клиру, ни мученикам, ни иному миру, как, например, покойный брат Перпетуи Динократ, ни дьявольскому отряду, включая гонителей. Появление его имени нарушает закономерность, которая проявилась невольно, показав прос-

тую, бинарную внутреннюю установку всех авторов. Но Рассказчик назвал Рустика вопреки этой (быть, может, бессознательной) установке. Кроме всего прочего, называть его нет никакой необходимости. Появление на арене обратившегося Пудента — это событие, это вмешательство Святого Духа. Но еще двое, два катехумена могли бы остаться безымянны, как остался без имени один из них, хотя он родной брат Перпетуи.

Разумеется, наше предположение о том, что Рассказчика зовут Рустик, не может быть формально доказано. Но определение того, «кто это сделал», можно представить «на суд присяжных».

Если выбирать из «подозреваемых», из как-то известных нам участников событий, то на него указывает многое.

Он несомненно очевидец казни, Рустик присутствовал прямо на арене. Необходимо, но не достаточно. Рустик катехумен и с ним бок о бок родной брат Перпетуи — другой катехумен. Схвачены были катехумены. Это не означает, что речь непременно об одной огласительной группе, но весьма вероятно это так: пятеро схвачены, двое не попались, группа из семи человек в самый раз: не слишком мала и не слишком велика. С Перепуей Рустик знаком близко: *Rusticus, qui ei adhaerebat* (XX.8), *adhaerebat* — сильное выражение, «не отходил от нее», «держался рядом». Это не значит, что он непременно был домочадцем, *domesticus*, как думает Бастиансен (Bastiansen et al. (eds) 1987, ad loc.), однако, желание выполнить волю Перпетуи было бы естественным у кого-то из близких к семье. Рустик выслушал ее последние слова, обращенные к нему и ее брату, слышал и то, что Сатур завещал Пуденту. И все понимали, что катехумен и близкий к Перпетуе человек должен был бы разделить участь своих товарищей, но Богу было угодно оставить их в живых. На это, как нам представляется, указывают утешения Перпетуи и Сатура, обращенные ко всем троим на арене. Они говорят о разрывающем душу смятении: «Зачем эта чаша миновала меня? Я слаб для такого подвига и такой победы? Или недостоин?». Но это не Пудент и не родной брат Перпетуи, остается Рустик. Он «выдал» себя в словах, отождествляющих волю Святого Духа с его попущением, и вставив в самом конце имя «некоего» («некоего!» мол, я вовсе не о себе!) Рустика, которое равно мог носить и раб, и патриций.

Р. С. В «Мученичестве Святых Мариана и Иакова», рассказывается о группе карфагенских христиан, отправившихся в

Нумидию и нашедших там свой конец 6 мая 259 года в Ламбезисе (Алжир, деревня Тазульт). Другие имена, кроме Мариана и Иакова не названы. Имена этих мучеников и еще нескольких практически неизвестных и малоизвестных имен перечислены в надписи раннего византийского времени, вырезанной на скале Руммельского ущелья возле Цирты (совр. Константины, Алжир) (Delehayе 1912: 435). Среди пострадавших вместе с Марианом и Иаковым был и «некто по имени Рустик». Как мы уже сказали, имя это распространенное. «Наш» Рустик из 203 года был молод, как и остальные оглашаемые, и мог бы дожить до гонений Валериана и быть для нового поколения христиан носителем памяти о 203 г. Это интригующе, возможно, и недоказуемо.

Литература

- Afrique. 1998: *L'Année épigraphique* 1995, 534–578.
- Epigraphische Datenbank Heidelberg*. URL: <https://edh.ub.uni-heidelberg.de/edh/inschrift/HD051211>
- Amat, J. (ed.) 1996: *Passion de Perpétue et de Félicité: suivi des Actes*. Paris: Editions du Cerf.
- Aronen, J. 1984: Indebtedness to Passio Perpetuae in Pontius' Vita Cypriani. *Vigiliae Christianae* 38, 67–76.
- Aronen, J. 1984: Marianus' Vision in the Acts of Marianus and Iacobus: An Analysis of Style, Structure and Generic Composition. *Wiener Studien* 97, 169–186.
- Bastiaensen, A. A. R. et al. (eds.). 1987: Acta Cypriani, In: *Acti e passioni dei martiri*. Milano, 193–231.
- Bastiaensen, A. A. R., (ed.). 1987: Passio Perpetuae et Felicitatis, In: *Acti e passioni dei martiri*. Roma; Milano: Fondazione Lorenzo Valla: A. Mondadori, 107–148.
- Bibliotheca sanctorum. 1964: *Bibliotheca sanctorum*. Sotto la direzione di Filippo Caraffa e Giuseppe Morelli. Presentazione di Pietro Ciriaci. Vol. 5. Istituto Giovanni XXIII nella Pontificia università lateranense.
- Braginskaya, N. V. 2022: [How many co-martyrs did Perpetua and Felicitas have?] *Acta Linguistica Petropolitana* 18 (1), 48–77. Сколько сомучеников было у Перпетуи и Фелицитаты? *Acta Linguistica Petropolitana* 18 (1), 48–77.
- Braginskaya, N. V., Lebedev, P. N. 2023: How many co-authors had Perpetua and Satorus? *Scrinium* 19 (в печати).
- Braun, R. 1979: Nouvelles observations linguistiques sur le rédacteur de la *Passio Perpetuae*. *Vigiliae Christianae* 33 (2), 105–117.

- Bremmer, J. N. 2017 *Maidens, Magic and Martyrs in Early Christianity: collected Essays*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Delehaye H. 1912: *Les origines du culte des martyrs*. Bruxelles
- Franchi de' Cavalieri, P. 1900: *La Passio SS. Mariani et Iacobi*. Roma.
- Heffernan, T. J. 2012: *The passion of Perpetua and Felicity*. New York: Oxford University Press.
- Lebedev, P. N. 2023. [«Passion of St. Perpetui, Felicity and their fellow martyrs» and the question of the persecution of Christians in the Roman Empire under Septimius Severus. *New Historical Bulletin*. 2021. № 4 (70). P. 104–112]
- Лебедев, П. Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимиусе Севере. *Новый исторический вестник*. 2021. № 4 (70), 104–112.
- Martin, J. 1919: *Die Vita et Passio Cypriani*. *Historisches Jahrbuch* 39, 674–712.
- Mazucco, C. 2018: *Il rapporto tra la versione greca e la versione latina della Passio Perpetuae*, In: *Bilinguismo e scritture agiografiche: raccolta di studi*. A cura di V. Milazzo, F. Scorza Barcellona F. Roma: Viella, 17–75.
- Pizzolato, L. F. 1980: *Note alla Passio Perpetuae et Felicitatis*. *Vigilia Christianas* 34, 105–119.
- Reitzenstein, R. 1913: *Die Nachrichten über den Tod Cyprians: Ein philologischer Beitrag zur Geschichte der Märtyrerliteratur*. Heidelberg : Winters.
- Shmaina-Velikanova, A. I. 2023. [Motherhood and martyrdom: Thoughts on the *Passion of Saints Perpetua and Felicity* and The 19th Ode of Solomon], In: *Myth, ritual, literature: for Nina Braginskaya*. Moscow, 330–338.
- Шмаина-Великанова, А. И. Материнство и мученичество. Размышления о «Мученичестве свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними скончавшихся» и XIX оде Соломона, В сб.: *Миф, ритуал, литература: Нине Владимировне Брагинской*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 330–338.
- Stählin, G. 1964: σκάνδαλον, σκανδαλίζω, In: *Theological dictionary of the New Testament*. Vol. 7. Grand Rapids: Eerdmans, 339–358.